

„Каспій“ — порукой въ окончательномъ исходѣ войны является прежде всего то небывалое единеніе, съ которымъ вся страна участвуетъ въ борьбѣ, та неослабѣвающая готовность ко всякимъ жертвамъ, которая наблюдается повсюду. Въ этомъ единеніи наша великая сила“.

„Умолкнетъ гроза военной непогоды,—говоритъ „Прид. Гол.“,—и изъ обильно пролитой крови героевъ-борцовъ за право вырастутъ новые устои бытія, озареннаго идеей истинной культуры, права и справедливости“.

Вѣритъ въ это и „Голось Самары“: „сознательно или безсознательно, но человечество идетъ впередъ“...

„Жизнь Приуралья“, въ статьѣ „Воскресеніе общества“, говоритъ, что „война родитъ надежду на зарю новыхъ дней, когда наше общество, показавшее наяву максимумъ своей дѣеспособности и самопожертвованія, должно быть освобождено отъ всякой посторонней опеки и предоставлено въ своемъ развитіи само себѣ. И въ этомъ отношеніи мы изъ сферы ожиданій должны перейти къ практическому осуществленію.“

Въ день Свѣтлаго Воскресенія мы должны проникнуться вѣрой въ освобожденное и преображенное общество“.

„Будемъ ждать,—говоритъ далекій „Архангельскъ“,—будемъ надеяться“...

Единодушны отклики и большихъ кіевскихъ, одесскихъ, харьковскихъ, ростовскихъ газетъ...

Пасхальные рассказы, повѣсти и стихотворенія, конечно, всѣ посвящены войнѣ, говорятъ по поводу войны. Затерявшіеся развѣдочные отряды, сестры милосердія, деньщики, спасающіе офицеровъ, лазаретные очерки, „Траншея съ крестомъ“, „Святая смерть“ (рассказъ, обошедшій десятки газетъ) и т. д., и т. п.

И почти во всѣхъ газетахъ поздравительныя телеграммы подпоручиковъ, военныхъ летчиковъ. Есть поздравленія и отъ цѣлыхъ частей (Асландузскій и Башкадыкларскій полки и т. д.).

Но больше всего отъ прапорщиковъ, о которыхъ существовала нѣкогда поговорка, что „прапорщикъ—не офицеръ“, но которые въ эту войну оказались самыми необходимыми, самыми настоящими офицерами-героями...

Въ первый же день Пасхи большинство провинціальныхъ газетъ помѣстили воззванія о помощи пострадавшимъ на войнѣ.

Возрожденіе Рогожскихъ храмовъ.

В. Гиляровскій вынесъ такія впечатлѣнія отъ посѣщенія Рогожскаго кладбища въ Москвѣ въ первый день Пасхи, по снятіи печатей съ старообрядческихъ храмовъ.

Долго и тщетно хлопотали рогожскіе старообрядцы объ открытіи алтарей и, наконецъ, дождались свѣтлаго дня.

Ходила легенда болѣе сорока лѣтъ по кладбищу, чуть ли не съ самаго опечатанія алтарей, вся состоявшая въ одной фразѣ:

— Николай опечаталъ, Николай и отпечатаетъ.

Такъ и случилось; хотя, добавляетъ г. Гиляровскій,—неизвѣстно, на какомъ основаніи построена эта легенда, такъ какъ алтари опечатаны въ царствованіе Александра II.

Въ первый день Пасхи я пережилъ такіе полчаса, которыхъ не забуду никогда. Я провелъ эти полчаса въ алтарѣ зимняго храма и передамъ мои впечатлѣнія, не убавляя, не прикрашивая,—каковы они есть.

— Вотъ гдѣ писать „Вія“!—сорвалось у моего спутника-художника Н. И. Струнникова, только что окончившаго академію.

Мы вошли въ южную дверь, на которой сохранились кусокъ перерѣзанной веревки и на косякѣ рядъ красныхъ печатей. Вошли и остановились.

— Осторожнѣе, полъ провалится!..

Темно и затхло. Мракъ могилы и запахъ склепа. Полвѣка алтарь не видѣлъ солнечнаго луча. Окна снаружи были забиты желѣзомъ, двери запечатаны.

— Осторожнѣе, дыра!—удержалъ меня одинъ изъ членовъ причта.

Дѣйствительно, я наткнулся на желѣзные остатки церковнаго стула, дерево котораго сгнило, и чуть не провалился въ глубокое отверстіе рухнувшаго пола. Кое-какъ, шмыгая ногами, добрались до угла. На полу валялись иконы и обломки. Они рухнули давно-давно и заросли пылью. Вотъ, правѣе, лежитъ кіотъ. И нельзя сказать, что я вижу при мерцающихъ свѣчахъ обыкновенную сѣрую пыль, какую мы привыкли видѣть въ углахъ запертыхъ комнатъ, въ архивахъ, въ кладовыхъ. Здѣсь она даже не сѣрая. Это какая-то невиданная пыль, цвѣта мрака. Живого, метлешащагося мрака.

Мохнатая, пухлая пыль, дающая впечатлѣніе чего-то живого! Чѣмъ дальше вглядываешься въ нее, тѣмъ болѣе она пухнетъ передъ глазами, поднимается, растетъ и вотъ-вотъ зашевелится, поднимется,—думается,—и изъ-подъ нея выползетъ, встанетъ что то страшное-страшное.

Если нервно—настроенному человѣку остаться здѣсь одному при свѣчахъ, то, чего добраго, найдутъ его на другой день бездыханнымъ, какъ Хому Брута.

Г. Гиляровскій и его спутники прошли въ глубь алтаря.

Свѣчи уже не трепещутъ, не мерцаютъ, особенно когда мы останавливаемся въ затхлыхъ углахъ, и только свѣтятся красными точками, какъ мертвые раскаленные куски желѣза.

Голоса мертвые: обросшія пылью стѣны безъ резонанса, безъ эхо. Онѣ не отражаютъ, а засасываютъ и глотаютъ звукъ.

Единственные блики, отражающіе свѣтъ, наши лица.

Натыкаемся еще на рухнувшій иконостасъ. На стѣнѣ уцѣлѣла половина громаднаго образа Николая угодника. Онъ расколотъ пополамъ. Риза

цѣла, но она кажется рѣзной, деревянной. Чтобы убѣдиться, что она металлическая, пришлось воткнуть палецъ въ мягкій, противный наростъ пыли... Тогда только раздался звукъ металла.

Цвѣтъ ризы и половины образа одного общаго цвѣта. Въмѣсто другой половины, можетъ быть, уже провалившейся подъ полъ, зѣяетъ черное, не глубокое отверстіе; при этомъ освѣщеніе, кажущееся бездоннымъ.

Здѣсь мракъ непроницаемъ.

Ниже полувиситъ свернувшійся, какъ береста на огнѣ, небольшой неизвѣстный образъ, обросшій пылью. Правѣе, ближе къ алтарю, уцѣлѣлъ на стѣнѣ большой образъ.

Упавшая почернѣвшая лампада валяется подъ ногами.

По другую сторону алтаря грозитъ ежеминутнымъ паденіемъ, чудомъ держашійся на чемъ-то, кіотъ, искривленный, полуразрушенный. Иконы изъ него давно выпали и лежатъ на полу въ грудѣ обломковъ иконостаса, ризъ, лампадъ, подсвѣчниковъ.

Уголь заваленъ рухнувшими иконами. На стѣнѣ Богоматерь, которую можно опредѣлить только по ризѣ, такъ какъ живопись облупилась вся.

Такъ погибли иконы древнія, которымъ и цѣны нѣтъ!

Въ стѣнѣ два шкапчика—въ одномъ черное кадило, въ другомъ—бутылки, поросшія пылью. Напротивъ стеклянный шкапчикъ, гдѣ потемнѣвшіе вѣнцы.

Сорокъ девять лѣтъ сюда не проникалъ лучъ свѣта, не было здѣсь живого существа, не было струи чистаго воздуха!

Моль не изѣла матерій!

Ничего не испортили крысы!

Нити паутины, обросшія пылью, висятъ толстыя, какъ веревки.

Паукъ, крыса, моль,—эти дѣти тлѣнья, не вынесли этого мрака гробницъ, мертваго воздуха склепа.

Вѣтеръ не пошевелилъ пылинку.

Только движеніе разрушенія, только паденіе отгнившихъ предметовъ нарушало мертвую полувѣковую тишину могилы, заставляло подниматься и садиться мертвую пыль...

И теперь является вопросъ: зачѣмъ все это было опечатано, подвергнуто тлѣнію? („Волг.“).

Деятнадцатое февраля.

Деятнадцатое февраля, какъ символъ, въ нынѣшнемъ году имѣетъ исключительное значеніе.

54 года назадъ произошло освобожденіе отъ крѣпостной зависимости только нашихъ крестьянъ.

Нынче все человѣчество совмѣстными усиліями семи государствъ должно освободиться отъ корня многообразныхъ золъ, загоразивавшихъ народамъ